

СТЕНА

РАССКАЗ

Публикация в рамках совместного проекта журнала с Ассоциацией союзов писателей и издателей России (АСПИР).

ВЕРА СОРОНА

Писатель, сценарист. Резидент литературной школы журнала «Юность» в Перedelнине и Номарове. Шорт-лист премии «Данно» имени Мансима Горьного. Номинация

«Выбор региона» на конкурсе новой драматургии «Ремарна». Публикации в журналах Esquire, «Волга», «Графтовый литературный журнал», «Прочтение», «Иначе», автор блога в журнале «Сноб».

Познакомились просто: она зашла за шпатлевкой. Консультация не нужна: Соня знает все марки и состав каждой. Это он – новенький, а она тут постоянный покупатель.

Через неделю он спрашивает, что она строит.
– Ремонтирую, – отвечает Соня и добавляет: – Шпатель еще посчитайте.

Он помогает донести ведро шпатлевки.

Некрасивый. Помятый и несвежий. И ведро несет неловко, тяжело несет. Она уже давно научилась носить легче.

Заходят.

От зала остался узкий коридор. Диван-книжка уже не вмещается в разложенном состоянии – она собрала и спала вполонину.

Он смотрит на все это и уходит. Соня опускается на диван, колени касаются противоположной стены с дырами. Сидит так немного и тянется к ведру со шпатлевкой.

Он возвращается уже в сумерках. Принесит крупную наждачку и розу в пакете с кудрявой лентой. Роза красная, а лента розовая с серебристой полосой.

Розу ставит в пластиковую бутылку и начинает шкурить стену. За месяц сходит сантиметров срок – раскладывают диван.

Проходит грязь, лед и снова грязь. Он протирает в стене дыру, достаточно большую для окна. Покупает раму. Берет гвозди.

– Будем счастливые смотреть на закат. И вот тут повесим фотографии.

Соню передергивает, она смотрит на шпатель у себя в руке.

* * *

Кирилл ставит чемодан на пол, поигрывает ключами на тяжелой металлической цепочке, улыбается.

Красивый. Мощный, загорелый, с выпуклыми венами на руках.

Каждая его хотела, но достался ей. Повезло.

В квартире одна комната, пустая – осматривать особенно нечего. Но Кирилл крепко держит ее за талию и поворачивает в разных направлениях, рассказывая об их будущей счастливой жизни.

– Вот здесь по вечерам будем пить чай. Вон там – будем сидеть обнявшись и смотреть сериалы. А вот на этой стене повесим фотографии наших самых счастливых моментов.

Она бы вставила в рамку и повесила этот момент, если бы могла.

Кирилл подводит ее к окну, говорит, что внизу, на площадке, будут играть их дети. Прикасается рукой к бедру, оставляя белые следы на коже. Мягко, но настойчиво облакачивает на подоконник. Плевать, что увидят.

Громким хлопком разрывается прозрачная пленка – отогнуть четыре, убрать бумагу, положить фотографию, загнуть четыре, сломать уголок, перевернуть – криво.

Кирилл берет гвозди.

Первыми вешают свадебные. Сразу и много – в загсе, у Вечного огня, на пароходике. Он держит ее на руках и целует некрасиво, зато страстно.

Потом Турция – фрукты, парео, красный загар. Как он защитил ее от того араба. Ударил не задумываясь, и тот отлетел в бассейн. Столько крови, как будто снимали «Челюсти». Ей было ужасно приятно, что ради нее подвиг.

Фотография вышла красивая. Сделали крупно и повесили.

Потом машина. Куча справок для кредита, но папа подложил ей деньги в сумочку. Банкноты, завернутые в газету с рецептом посла «самых хрустящих огурчиков – детишки будут в восторге, муж станет уплетать за обе щеки».

Было стыдно брать, но Кирилл сказал, что лучше отказаться. Нам сейчас нужнее, сказал.

У папы сердце, ему бы в санаторий, но это можно на следующее лето. Успеется.

Кирилл долго не мог выбрать лучшую фотографию с машиной. Лучшие были все – на капоте, за рулем, с ключами в руках.

Потом на этой машине хоронили ее отца. Фотографии нет. Она хотела повесить их старую – где она счастливая сидит на коленях у папы и ест мороженое. И он счастливый. Но все это черно-белое ни к чему – надо жить счастливым цветным будущим, говорит Кирилл.

Следующая фотография в красивом холле театра музыкальной комедии. Она хотела надеть Танькино платье в пол, в котором та была на Новом году, но пошла в джинсах и водолазке: так практичнее и меньше шансов подхватить ангину.

Кирилл вообще на эти кривляния идти не хотел, но вырядился в «пинжак с галстучьем» и пошел проследить, чтобы ее никто не облапал в очереди за курткой.

Потом шашлыки у Серого на даче. Кирилл в одной руке держит целый веер мясисто-красного, другой обнимает ее за талию. Фотография запят-

нилась из-за дыма, поэтому на всех лежат странные тени. На ней больше всего – на руках, на шее, на бедрах. Хотя там камере не видно, конечно.

Дальше она в шубе летом. Стоит босыми ногами на полу – жара ужасная. Зато процент скидки пропорционален столбику термометра. Отхватили. Кредит, правда, на нее, но это ерунда, конечно, – все ведь у них общее. Только шуба ее, смеется Кирилл.

Ей колко и потно в новой шубе, он каменно обнимает ее за плечи, за мертвое волосье, и фотографирует, выставив руку вперед.

– Улыбайся давай. Ну!

«Хочу к папе», – думает она, но в камеру улыбается, как будто счастливая. Потому что если морда кислая, то он злится. Расстраивается сильно. Он ведь все для нее, а она не ценит.

Следующая фотография в фотографии – он держит ее, а она держит черно-белое УЗИ. И сама черно-белая. Как будто вырезали из старого снимка и вклеили в истерично-цветной коридор больницы.

Снимок УЗИ хранится в той же раме. Фотография наследника, гордо говорит он. Потом вдруг оказывается девочка. Кирилл думает, ошибка, напивается, звонит в больницу. Потом бьет окна в регистратуре, и она идет за ним в отделение. Этого нет на фотографии, но он долго извиняется. На коленях, при всех, так что ей еще стыднее.

По дороге домой покупают фоторамку для наследника, но никакой фотографии так туда и не вставляют.

У Кирилла проблемы: откинулся какой-то зэк – Круглый или Толстый.

Кажется, все-таки Толстый. Поэтому нервы шалют, и руки девать некуда. И один разок ногой, чтобы помнила, как лезть со слезливыми бабскими советами.

Когда Соня возвращается из больницы, ее все еще немного шатает. Она приносит продукты из магазина, потому что выходить Кириллу никак нельзя. Дверь не запирает. Убирает пивные бутылки в холодильник (Кирилл не любит из банок) и уходит в ванную. Набирает горячее до самого краешка и ставит музыку. Громко.

Соня лежит в ванне почти до рассвета. Вода холодная, темная, а губы уже не синие, а просто белые.

Толстый был совсем не толстый – ей показали фотографию ориентировки. Интеллигентный вполне. Мебель не крушил – сделал по-тихому.

Как и обещал ей.

Все стоит на своих местах – только чашка чуть съехала с блюдца. Соня поправляет машинально и закрывается на все замки. Немного раздумывает и пододвигает стул, чтобы если вдруг вернется, упало и громко.

Потом смотрит сквозь дыры-глаза на дверь. Охраняет свою оболочку от мира.

Фотографии бьет яростно. Режется о стекло и впервые за пять лет чувствует. Страшно, хорошо, нарядно – забрызгивает стену кровью. Все рамы и все фотографии жжет на пустыре за гаражами. Горит весело. Мимо ходит кто-то, но Соня не боится уже. Как будто бы сбежала в лес и одичала там совершенно.

С трудом возвращается домой, смотрит на стену – она вся в дырах от вырванных с мясом гвоздей. Как будто из пулемета, как будто здесь каждый вечер расстреливали. И иногда по утрам, если выходной или просто плохое настроение.

На следующий день Соня открывает дверь и бухает об пол тяжелым – надпись красными буквами по серой полосе – шпатлевка.

Шпателя нет, поэтому она пальцами проходит по каждой дыре. Под ногтями остается белое.

И на следующий день все сначала – те же дыры в стене, которые никак не хотят зарастать, шпатлевка, белое под ногтями. И так три года.

Конечно, пыталась продать и переехать, но никто не брал – плохая планировка, плохой ремонт, плохая слава. Познакомились просто.

Потом вся эта грязь, лед и снова грязь.

Он протирает в стене дыру, достаточно большую для окна. Покупает раму. Берет гвозди.

– Будем счастливые смотреть на закат, а тут повесим фотографии, – начинает он, но закончить не успевает: Соня подходит сзади и с размаху всаживает шпатель ему между ребрами.

Он удивляется немного, но не сопротивляется. Как будто всю жизнь был готов.

Соня не до конца понимает, что чувствует. Главное, не счастье, не это ваше безграничное счастье, которое так важно запечатлеть.

Не нужно.